

М. А. Неймарк

**«МЯГКАЯ СИЛА»
В МИРОВОЙ
ПОЛИТИКЕ**

Марк Неймарк

**«Мягкая сила» в
мировой политике**

«Дашков и К»

2019

УДК 327
ББК 66.4

Неймарк М. А.

«Мягкая сила» в мировой политике / М. А. Неймарк — «Дашков и К», 2019

ISBN 978-5-394-03317-9

В книге раскрываются особенности проблемного поля «мягкой силы» в кардинально изменившейся геополитической реальности наших дней. В рамках концептуализации «мягкой силы» и анализа баланса между ней и «жесткой силой» исследуется феномен «умной силы» как взаимосвязанная целостность различных компонентов – культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т. д. Отражены различные точки зрения на проблематику «мягкой силы», российский опыт ее критического анализа. Издание предназначено для преподавателей, аспирантов и магистрантов профильных вузов и факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся мировой политикой и международными отношениями.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-394-03317-9

© Неймарк М. А., 2019

© Дашков и К, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марк Афроимович Неймарк

«Мягкая сила» в мировой политике

© Неймарк М. А., 2017

© Бажанов Е. П., предисловие, 2017

© Дипломатическая академия МИД России, 2017

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2017

Предисловие

В современных условиях всё большее практико-политическое значение приобретает комплекс идей и положений, объединенных понятием “мягкая сила”, концептуальное первоисточником которого прочно связано с именем американского аналитика и политика Джозефа Ная. Смысл “мягкой силы” – проецирование государством своего влияния на окружающий мир с опорой на экономические, информационно-коммуникационные, социальные, гуманитарные и другие гибкие рычаги. Понятие “мягкой силы” вошло в моду, и многие страны современного мира включились в соревнование по наращиванию собственного “мягкого” потенциала. В России всё громче звучат голоса о необходимости многократного увеличения расходов на эти цели.

Сомневаться в правоте сторонников “мягкой силы” не приходится. Она действительно многое дает, да и давала в прошлом. Древние греки оказали огромное духовное воздействие на развитие европейской цивилизации. На другом краю земли китайцы способствовали приобщению народов Восточной и Центральной Азии к премудростям управления государством, продвинутому методу градостроительства, уникальным школам философии, музыки, литературы, архитектуры и пр. В эпоху Возрождения Италия добилась статуса абсолютного законодателя мод в Европе во всех видах человеческой деятельности. В ту эпоху ничего серьезного не предпринималось на континенте без предварительного ознакомления с достижениями итальянцев. У итальянцев учились, как писать картины, руководить банком, строить дворцы, судить преступников, плавать в открытом море. Сменившие итальянцев в качестве лидеров европейской цивилизации французы тоже в конечном счете добились большего своими политическими теориями, литературой, архитектурой, модами, гастрономией, парфюмерией, чем завоеваниями.

Есть немало носителей “мягкой силы” и в современном мире. Это, в частности, Соединенные Штаты Америки. В Новом свете – лучшие в мире университеты, Голливуд, популярная эстрада, раскрученные глобальные бренды от “Майкрософта” до “Кока-колы”, Кремниевая долина, беспорное лидерство в информационно-коммуникационной сфере, доллар, английский язык.

Нынешний Китай, в свою очередь, находится в центре всеобщего внимания благодаря феноменальным достижениям в развитии экономики. В КНР непрерывным потоком течет иностранный капитал, привлекаемый мудрой экономической политикой китайских властей, толерантным отношением населения и рядом других факторов “мягкой силы”. Всё более мощные гуманитарные импульсы исходят из КНР. Повсеместно открываются отделения Института Конфуция, в которых преподается китайский язык и пропагандируются достижения пятитысячелетней культуры Поднебесной. Растет рейтинг ее вузов и исследовательских центров, всё громче заявляют о себе кинопродукция и литература современного Китая.

Благодаря “мягкой силе” такие миниатюрные государства, как Швейцария, Норвегия и Сингапур, пользуются большей популярностью среди современников, нежели иные из тяжеловесов. Швейцария словно магнитом притягивает финансовыми институтами, горными курортами, часами и демократическим устройством общества, Норвегия – качеством жизни, Сингапур – конкурентоспособностью и удивительно низким для Азии уровнем коррупции.

Древние китайцы утверждали: “Мягкое побеждает твердое”. Им можно возразить: не везде и не всегда. История человечества, увы, явствует, что “мягкая сила” отнюдь не гарантирует ни безопасности государства, ни гармоничных отношений с внешним миром. Случалось, что когда привлекательное государство слабело, немедленно находились желающие окончательно сломать ему хребет. Если оно, напротив, становилось слишком сильным, его, несмотря на всю привлекательность, начинали бояться. И никакая “мягкая сила” не способна порой

заставить оппонентов забыть о старых обидах или преодолеть противоречия в политической, экономической и других сферах.

Приведем примеры. Преклонение Древнего Рима перед древнегреческой цивилизацией не помешало ему жестоко покорить великих греков и превратить их в своих вассалов. Не спасла от катастрофы “мягкая сила” Италию эпохи Возрождения и Китайскую империю.

Катастрофическим Рубиконом для Италии стал 1492 г. Французский король Карл VIII двинул войска на Неаполитанское королевство. В различных областях Апеннинского полуострова агрессоров встречали как освободителей, с надеждой, что французы помогут избавиться от местных бесчестных правителей. Но всё же патриотические силы собрали армию и дали французам решающий бой. И хотя итальянцы имели подавляющее превосходство в живой силе, их разбили в пух и прах. Судьба Италии была проиграна в течение одного часа. Если бы итальянцы победили, то, вполне возможно, почувствовали бы себя единым народом, способным отстаивать свою свободу. С Италией стали бы считаться как с нацией, которую лучше не трогать. Европейские державы перестали бы жадно делить итальянские земли.

Экспедицию Карла VIII на Апеннинский полуостров можно сравнить с “опиумными” войнами англичан против китайцев середины XIX столетия. Те войны, явившиеся для Англии легкой прогулкой, повлекли за собой цепную реакцию трагических последствий – длительный период иностранного вмешательства в дела Поднебесной, кровавых конфликтов, восстаний и революций. Англичане (подобно Карлу VIII) продемонстрировали всему миру бессилие великой нации, возможность беспрепятственного захвата огромной добычи, неспособность сверхцивилизованных, изнеженных существ действовать сплоченно, их готовность раболепствовать перед жестоким и решительным агрессором. Великие народы, итальянцы и китайцы, гордившиеся своими достижениями, подверглись уничтожению и разгрому.

Войны в Китае спровоцировали развал империи, которая не научилась как следует защищать себя. В результате на протяжении длительного периода китайская цивилизация находилась в состоянии разложения. Италия из-за вторжений извне тоже лишилась статуса в военной и политической областях. На нее обрушились практически все сколько-нибудь боеспособные армии Европы. Банды самых отъявленных мерзавцев шныряли по Италии, наводя ужас на крестьян и горожан. Голод и чума охватили весь Апеннинский полуостров. Никто не имел достаточных сил и воли положить конец этой вакханалии. Она продолжалась более тридцати лет. Развязка наступила в 1527 г. Армия испанского короля Карла V, собранная из лоскутов по всей Европе, не испытывая сколько-нибудь серьезного сопротивления, взяла под контроль Рим. Далее, на протяжении девяти месяцев, шло уничтожение великого города: грабежи, поджоги, издевательства, пытки, убийства. Даже могилы разрывались в поисках ценностей.

Римская катастрофа не имеет аналогов в европейской истории как акт национального унижения. В городе на Тибре располагалась штаб-квартира католической церкви, к которой принадлежало большинство тех, кто уничтожил Рим. Эти люди не просто бандитствовали, они совершили непростительное богохульство, подняв руку на свою церковь. Итальянцы, которые беспомощно наблюдали за всем этим, осознали, что они не просто военные и политические импотенты, а по сути предатели своего морального и духовного наследия.

В современном мире мы видим примеры другого рода: когда носители “мягкой силы” обладают одновременно “твердой силой”, которую подчас неправильно используют, отталкивая от себя другие отряды человечества. Речь идет прежде всего о США. Казалось бы, Америка, нарастив столь впечатляющий багаж “мягкой силы”, должна купаться в океане вселенской славы. Ан нет. На Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке, в Южной и Восточной Азии многие испытывают к Соединенным Штатам негативные чувства. США обвиняют в империализме, гегемонизме, вмешательстве в чужие дела, агрессиях.

Немало претензий к Дяде Сэму высказывается в России, да и повсюду в Европе. И там, где Америку не любят, никакая “мягкая сила” не в состоянии помочь заокеанским стратегам добиться доминирования.

Китай, в отличие от США, ведет себя сдержанно, не пытается подчинить своей воле другие народы. И тем не менее китайский имидж, быстро улучшавшийся после начала реформ Дэн Сяопина, в последнее время начал портиться. Почему? Набранный мощь гигантский “дракон” внушает всё больший страх. Синдром страха докатился даже до Европы, где идут разговоры о том, что восточный исполин вот-вот всех подомнет под себя.

Не помогают взаимопритяжение культур, тесные торгово-экономические связи достижению гармонии в отношениях Китая и его дальневосточных соседей. Острый характер приобрели территориальные споры. Пекин и Токио уже почти физически сталкиваются из-за богатых энергоресурсами островов Дяо-юйдао (Сенкаку). Южная Корея яростно отстаивает свой суверенитет над островом Токто (Такэсита), на который претендует и Япония.

Отдельная область трений – исторические обиды. Китайцы не могут простить японцам агрессию в 1931–1945 гг., которая обошлась Поднебесной в десятки миллионов человеческих жизней. Каждая попытка японцев уйти от ответственности за прошлые преступления вызывает в КНР массовое недовольство, вплоть до погромов японских магазинов и предприятий. Японцы же отнюдь не считают себя виноватыми. В их школьные учебники раз за разом включаются материалы, обеляющие агрессию Токио против Китая, Кореи и других азиатских народов. Япония, мол, несла азиатам “освобождение” от белых колонизаторов. Не очень принято в Японии признавать культурное влияние на страну в прошлом со стороны дальневосточных соседей. Знакомый японский ученый заявил мне недавно: “Да, в VII–IX веках мы стремились учиться у императорского Китая, но в конце концов в ужасе отшатнулись от него из-за ханьских пороков: гаремов, многоженства, евнухов, взяточничества, нечистоплотности”. А вот японские заслуги перед китайцами и корейцами превозносятся. И тем и другим, мол, создали современную промышленность, медицину, образование, культуру.

Мешают гармонизации отношений между странами Дальнего Востока и различные стратегические ориентиры. Пекину не нравится, что Токио и Сеул наращивают военно-политическое партнерство с Вашингтоном, а Токио и Сеул с подозрением взирают на российско-китайское взаимодействие, на поддержку Пекином Пхеньяна. Последний, в свою очередь, недоволен заигрыванием КНР с Республикой Корея. А есть еще идеологические нестыковки. У Китая – с капиталистическими демократиями Японии и Южной Кореи, у чуждейской Северной Кореи – со всеми. Вспыхивают между партнерами торгово-экономические споры из-за демпинга, качества товаров, валютного курса.

Посмотрим теперь на воздействие “мягкой силы” на взаимоотношения России с внешним миром. Возьмем российско-украинские отношения. Кембриджский профессор как-то заявил с трибуны конференции: “Русские и украинцы, вероятно, два самых близких народа на земле”. И, действительно, мы очень близки, всё друг о друге знаем и понимаем. В экономической сфере мы также сплетены тысячами уз – от газа до челночной торговли в приграничных районах. И что же? У нас в результате всё в порядке в политической области? Да нет, духовное братство и экономическая взаимозависимость сами по себе, а различия в государственных интересах – особняком. Киев боится попасть в орбиту российского влияния, его влечет на Запад, отсюда – разногласия. В недавнем прошлом Москва и Киев сталкивались по проблемам флота в Севастополе, косы Тузла, хотя продолжали при этом питать совместную любовь к Гоголю и Верке Сердючке.

Москва и Тбилиси тоже рассорились отнюдь не из-за взаимного дефицита “мягкой силы”. Не потому, что мало знали друг друга и не нуждались в экономическом сотрудничестве. Причина разлада лежит в чисто политической плоскости, в противоречиях по Абхазии и Южной Осетии. Из-за них дипотношения разорваны, но при этом граждане двух стран тепло общаются

и вместе плачут, слушая печальные песни Брегвадзе и Малинина, и вместе смеются над похождениями героев “Мимино” и “Кавказской пленницы”, поднимая в честь друг друга бокалы “Мукузани” и стопки “Столичной”.

Обратимся теперь к российско-американским отношениям. США – один из лидеров в зарубежных маршрутах наших граждан. Да и те из россиян, которые остаются дома, во многих сферах жизни отдают предпочтение Америке. Большая часть демонстрируемых в кинотеатрах и по телевидению фильмов отсняты в США. Оттуда же транслируются кинофестивали, музыкальные шоу, поединки боксеров. Потоки американизмов захлестывают Россию чуть ли не ежедневно, внедряясь в ткань русской речи. В моде заокеанские рок-группы, джинсы, айпады.

Дядя Сэм вроде бы может удовлетворенно потирать руки: Россия у него в кармане и готова стать послушным партнером. Но этого не происходит. Напротив, Кремль всё более решительно сопротивляется американской гегемонии, спорит с Соединенными Штатами по многим принципиальным темам. В данной связи вспоминается начало XIX столетия. Когда Наполеон вторгся на наши просторы, дворянство, которое к тому времени офранцузилось до безобразия (даже французский язык предпочитало родному), тем не менее возглавило сопротивление захватчикам и сыграло важнейшую роль в разгроме наполеоновской империи.

А вот с Китаем всё наоборот. Мы покривили бы душой, если бы стали утверждать, что народные массы России и Поднебесной без ума друг от друга и от культуры соседа. Мы переживаем, что в Китае уходит то поколение, которое владеет русским языком и досконально знает нашу страну. Но ведь именно когда это поколение находилось у власти, Москва и Пекин скатились к крайней враждебности. Ныне же российско-китайские политические отношения – невзирая на цивилизационную отчужденность и вяловатую экономическую составляющую – являются образцовыми. Почему? Да по той очевидной причине, что политические интересы двух гигантских соседей в основном совпадают.

Политические интересы определяют главное и в китайско-американских отношениях. Вплоть до 1970-х гг. США и КНР находились в состоянии конфронтации и лишь 5 % американцев отзывались о китайцах положительно, остальные называли их “коварными”, “военственными”, “невежественными”. Но вот в 1972 г. президент Никсон совершает в Поднебесную сенсационный визит, Вашингтон сблизается с Пекином с целью совместного противостояния Советскому Союзу. И в общественном мнении за океаном мгновенно происходит переворот, в адрес обитателей “Срединной империи” начинают звучать замечательные эпитеты: “трудолюбивые”, “умные”, “артистичные”, “прогрессивные”, “практичные”. Восторги продолжались до тех пор, пока Китай оставался сравнительно слабым и являлся попутчиком США на мировой арене.

Ныне, когда Поднебесная превратилась в “сверхдержаву” и показывает зубы, от восторгов не осталось и следа. У современного Китая недостатков в 10 раз меньше, чем у КНР образца 1972 г., а американцам чудится, что их стало несравненно больше. В экономике эти страны, пользуясь китайским выражением, “близки как губы и зубы”, товарооборот превышает российско-китайский почти в шесть раз. Бурно развиваются гуманитарные связи: юные китайцы рвутся на учебу в Новый свет, а американцы испытывают почти религиозный экстаз по поводу достижений древней цивилизации Поднебесной. Но на фоне такого экономико-культурного слияния между Пекином и Вашингтоном разворачивается геополитическое противоборство. И их взаимное восприятие ухудшается.

Подобные примеры из современной жизни человечества можно приводить бесконечно. Так что панацей от политических противоречий нет. Вернее, панацея заключается только в урегулировании самих этих противоречий. Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби в мемуарах отмечал, что в 1911 г. немцы убеждали его: Германия и Великобритания настолько тесно сотрудничают, что стали неразлучными партнерами и уже никогда не будут воевать друг против друга. И Тойнби проникся оптимизмом, поверив в то, что Европе гарантировано свет-

лое будущее. Но три года спустя Лондон и Берлин (вместе с другими) развязали Первую мировую войну, за ней последовала еще и Вторая – и никакая “мягкая сила” (экономическая взаимозависимость, культурная близость, научное сотрудничество), увы, не помогли.

Ставя перед собой цель нарастить российскую “мягкую силу”, надо понимать, что, с учетом размеров и потенциала России, сложной истории наших взаимоотношений с немалым числом государств, Москву даже при самых благоприятных тенденциях развития отечества будут не столько обожать, сколько побаиваться. Хорошо бы, чтобы при этом уважали.

Е. П. Бажанов, ректор Дипломатической академии МИД России, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Глава I

Концепты и концептуализация “мягкой силы”

Развитие современных мирополитических процессов чрезвычайно актуализирует ресурсные возможности применения “мягкой силы” в глобальной политике. На совещании с российскими послами и постоянными представителями при международных организациях в июле 2012 г. президент России В. В. Путин особо отметил, что «традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например так называемой “мягкой силы”, безусловно, есть над чем подумать».

Государственный переворот на Украине, интернационализация украинского кризиса, санкционное давление Запада на Россию и ее контрсанкции, кризисное развитие событий на Ближнем Востоке в беспрецедентной, пожалуй, степени выявили значение проблемы концептуальной соотнесенности и практического использования инструментария “мягкой” и “жесткой” силы в мировой политике, ставя экспертно-политологическое сообщество и дипломатию нашей страны перед необходимостью уточнения ее сущностного содержания и потенциальных перспектив.

Эта проблемная тема – в обновленно-укрупненном формате, с учетом нынешних геополитических реальностей, резкого обострения международной обстановки – стала одной из центральных в выступлении В. Путина на аналогичном совещании в МИД России 30 июня 2016 г. Президент подчеркнул, что многообразие и сложность международных проблем, вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Россия, “требуют постоянного совершенствования нашего дипломатического инструментария в политической, экономической, гуманитарной и информационной сферах”. И далее: “Наши дипломаты, конечно, понимают, насколько важна сегодня борьба за влияние на общественное настроение, на общественное мнение. В последние годы мы много занимаемся этими вопросами, однако в условиях настоящей информационной атаки, развязанной некоторыми нашими так называемыми партнерами против нашей страны, встает задача еще более нарастить усилия на данном направлении”¹.

“Мягкая сила” существенно расширяет привычный коридор внешнеполитических возможностей государств. Особое значение она приобретает в новых – санкционных – условиях перехода Запада от конкурентно-партнерского сотрудничества с Россией к конфликтному соперничеству на мировой арене. Так, в сценарии самых масштабных за последнее десятилетие маневров НАТО “Соединение трезубца – 2015” подчеркивалось, что они помогут альянсу отточить умение использовать “мягкую силу” и публичную дипломатию, а также действовать в контролируемой и враждебной медиасреде. По словам заместителя генсека НАТО А. Вершбоу, учения призваны продемонстрировать “способность НАТО отвечать на все виды угроз – от обычных боевых действий до гибридной войны и вызовов пропаганды”².

Сегодня перед нашей страной со всей остротой стоит задача найти оптимальные формы применения “мягкой силы”, учитывающие как международный опыт, так и национальную специфику с опорой на зарекомендовавшие себя информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии. Это тем более важно, что, по словам С. В. Лаврова, выступавшего в рамках “Правительственного часа” в Совете Федерации 18 декабря 2013 г.,

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на восьмом совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, Москва, МИД, 30 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/web/guest/sovesanie-poslov-i-postoannyh-predstavitelej-rossijskoj-federacii-30-iuna-1-iula-2016-g./-asset_publisher/sznBmO7t6LBS/content/id/2338996

² Цит. по: Независимая газета. 2015. 21 окт.

«мы начинаем осваивать инструменты “мягкой силы”, в том числе на европейском направлении, гораздо позже, чем собственно изобретатели этих инструментов – наши западные партнеры»³. А К. И. Косачев, который вплотную занимался этой проблематикой в качестве руководителя Россотрудничества, оценочно конкретизируя задействованный ресурс отечественной “мягкой силы”, с сожалением констатировал: “КПД наших усилий невелик и больше тратится на сохранение того, что есть, без количественного прироста и качественной отдачи”⁴. Особенно наглядно это проявилось в связи с кризисным развитием ситуации на Украине. Характеризуя масштабы использования там “мягкой силы” Россией и Западом и отмечая, что по линии Россотрудничества делалось всё зависящее “в пределах имеющихся ресурсов и компетенций”, он подчеркнул: “Однако это несравнимо с тем, что столь долго и планомерно вкладывали в Украину Евросоюз и США, обращаясь с важными – в том числе идеологическими – посылами непосредственно к обществу, к украинским СМИ и НПО, к экспертным кругам, к молодежи в существенно большей степени, чем к властям или бизнес-структурам. Это гигантские ресурсы, затраченные на массивированный стратегический сев, который дал свои мощные всходы в виде того же евромайдана”⁵.

Главный редактор журнала “Россия в глобальной политике”, научный директор Международного дискуссионного клуба “Валдай” Ф. Лукьянов рассматривает ситуацию с “мягкой силой” в нашей стране в контексте конкуренции идей и ценностей, которая всё чаще напоминает ему “мягкую” гонку вооружений. Если речь заходит о слабостях российского внешнеполитического арсенала, констатирует он, все комментаторы – и доброжелательные, и не очень – сходятся в одном: дефицит “мягкой силы”. “Проблема не раз признавалась и официально, правда, систематической работы по ее решению не получалось – ни тогда, когда занимали специальные иностранные компании, ни тогда, когда пытались активизировать работу государственных учреждений”⁶.

При этом проблемное поле “мягкой силы” “вспахано” российской наукой и экспертным сообществом весьма основательно. В нашей стране ей посвящено большое количество публикаций, как научных, так и публицистических, защищены диссертации разного исследовательского уровня и достоинства, но все они, как правило, базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Найа⁷, изложенные им в основном в статьях и особенно в книге 2004 г. «“Мягкая сила”. Как добиться успеха в мировой политике», которая стала политическим бестселлером и классикой внешнеполитических рекомендаций.

Дж. Най относится к тем концептуалистам-первопроходцам, чьи идеи, мысли, взгляды, оформленные в определенную теоретическую систему, оказались востребованными в большой международной политике. О широком резонансе, который они вызвали в научно-экспертных и политических кругах США, свидетельствует тот факт, что вскоре после публикации этой книги

³ <http://russiancouncil.ru/imner/?id4=2878#top>

⁴ Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чем особенности “мягкой силы” России // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 52.

⁵ Косачев К. И. ЕС и США вложили в идеологию на Украине гигантские ресурсы [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2014. 13 марта. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/13/676829.html>

⁶ Лукьянов Ф. Сила мягкость ломит: в чем слабость внешней политики России [Электронный ресурс] // Forbes. 2015. 28 авг. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/17658>

⁷ Дж. С. Най, чье имя отождествляется с концепцией “мягкой силы”, не только один из авторитетных и влиятельных политических аналитиков США, но и известный политический практик, занимавший в разное время такие ответственные посты в американской администрации, как: помощника заместителя государственного секретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, председателя группы Национального совета безопасности по вопросам нераспространения ядерного оружия, председателя Совета по национальной разведке, заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности, представителя США в Консультационном совете по вопросам разоружения при Генеральном секретаре ООН.

Най вошел в рейтинговую десятку наиболее влиятельных в стране интеллектуалов в области международных отношений⁸.

С тех пор взгляды Дж. Ная претерпели определенную эволюцию; изменения, дополнения и новые акценты нашли отражение в его книге 2011 г. (в русском переводе “Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век” вышла в 2014 г.).

В работе, которую вы держите в руках, предпринимается попытка проследить динамику этих изменений в рамках сопоставительного анализа идей в указанных книгах и других публикациях Дж. Ная, что позволит обозначить некоторые особенности проблемного поля “мягкой силы” в новой геополитической реальности, учет которых может быть полезен как в повседневной внешнеполитической практике, так и в разработке новых положений международной стратегии нашей страны.

Исходная проблема в осмыслении “мягкой силы”, ее ресурсов и потенциала – адекватность, точность перевода, что чрезвычайно важно в теоретическом и практико-политическом плане. Существующие терминологические разночтения сказываются, естественно, на понятийном аппарате и на понимании содержательного наполнения: особенности перевода расширяют или сужают, дополняют или специфицируют те или иные составляющие “мягкой силы”, создавая предпосылки для разнообразия ее интерпретационных версий. По-прежнему актуален призыв Декарта: “Определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины заблуждений”.

В понятии *soft power* оба слова – по отдельности – несут самостоятельную нагрузку. Те, кто переводят *power* как “власть”, неизбежно сталкиваются с противоречием, то есть вместо “мягкой силы” возникает некая “мягкая власть”, что “рождает ассоциацию с “рыхлой”, “слабой”, “податливой” властью, что не соответствует смыслу и сути этой власти. Поэтому *soft* переводится с иным акцентом – словом “гибкая” и появляется новое понятие “гибкая власть”⁹. Здесь явно ощущается опасение, будто “мягкая сила” есть слабая сила. Не этим ли объясняется, в частности, замечание других политологов о “не совсем корректном переводе русскоязычного издания”¹⁰.

Гибкость власти – это исходный импульс любой грамотной политики – как внутренней, так и внешней. Так что содержательно-терминологически, с точки зрения перевода, эта новация весьма относительна. Еще в XVIII веке французский философ-моралист Люк де Клапье де Вовенарг сформулировал весьма точную политическую максиму: “предел хитроумия – умение управлять, не применяя силы”. К тому же акцент на слово “власть” вызывает и другие ассоциации, связанные, например, с русским выражением “власть употребить”, далеким от сути “мягкой силы”. Власть – всегда насилие. Бывает, конечно, и ограниченное, в мягких формах, но не они определяют его стержневой смысл. Русская языковая специфика такова, что слово “власть” воспринимается в контексте жестко выраженных императивных коннотаций, слабо согласующихся с “мягкой силой”. Обратимся к первоисточнику. Реагируя на различные интерпретационные версии базового смысла, исходно заложенного им в понятие *power*, Най вновь предупреждает – уже в книге 2011 г.: ошибочно думать о силе “как “силе над”, а не “силе с” другими¹¹. Нельзя абстрагироваться от уточнения, к которому прибегает Най в примечаниях к той же книге: сила предполагает причинную обусловленность и подобна слову “заставить”. Поэтому отнюдь не единичны в нашей стране трактовки смысловых значений “мягкой

⁸ Некоторые авторы несколько даже преувеличивают, на наш взгляд, политический вес Дж. Ная, считая его “одним из наиболее влиятельных политологов, авторитет которого выше, чем у, например, более известных Фрэнсиса Фукуямы, Збигнева Бжезинского или Генри Киссинджера” (Рогозин А. Коммерческий пиар и политические технологии [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей. 2008. 22 окт. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20896.htm>).

⁹ См. предисловие переводчика к русскому изданию книги “Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике” (М., 2006. С. 12).

¹⁰ Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. М.: РУДН, 2012. С. 30.

¹¹ См.: Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. С. 161.

силы”, которые характеризуют ее как гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость, соблазнительность и даже женственность¹².

Иногда русский перевод “мягкой силы” обосновывают социально-психологическими особенностями народа той или иной страны, характером восприятия им окружающего мира. Так, считается, например, что американскому пониманию ближе смысл “разумная сила”, то есть стратегия внешнеполитического влияния, ориентированная на применение силы “с умом”.

Китайской политико-лингвистической интерпретации этого понятия больше подходит перевод “мудрая сила”, отражающий сдержанность китайской дипломатии, конфуцианские корни стратегической культуры КНР. В малых и средних европейских странах “мягкая сила” прямо отождествляется с “умной силой” как синоним эффективности, оптимального соотношения ограниченных ресурсов внешнеполитического влияния и дипломатических достижений. Для Европейского союза, с учетом его структурно-интеграционных особенностей и внутренних проблем, более адекватным выглядит вариант “собранная, скоординированная сила”¹³.

Таким образом, в отношении “мягкой силы” исходно создалась очень непростая понятийно-терминологическая ситуация, допускающая не совсем совпадающие переводческие версии. И здесь, разумеется, нет каких-либо волюнтарных языковых передержек. Налицо неоднозначность смыслового содержания обоих компонентов понятия “мягкая сила” в самом английском оригинале, создающая предпосылки для использования в русском переводе слов, которые являются не эквивалентами соответствующих английских лексем, а вербальными инструментами авторских интерпретаций идей Дж. Най. Эти интерпретации, с одной стороны, привносят не предусмотренные в оригинальной концепции смысловые компоненты, а с другой – приводят к утрате тех смысловых связей, которые имеет английское слово *power*, а в значительной степени также и русское слово “сила”¹⁴.

Но в любом случае адекватность перевода концептуальному первоисточнику – конечно же, вопрос для специализированных обсуждений, в ходе которых можно было бы свести к минимуму терминологические, а значит, и понятийные разночтения.

Смыслообразующие особенности понятий в трактовке такого тонкого концептуалиста, как Дж. Най, имеют важное практико-политическое значение. В доктринальных внешнеполитических документах, где нюансы никогда не бывают второстепенными, вряд ли корректно использовать слово “власть”, которая все-таки ассоциируется преимущественно с “жесткой силой”. Не потому ли, несмотря на разнообразные и по-своему аргументированные варианты перевода, в Концепцию внешней политики России 2013 г. вошло именно понятие “мягкая сила”?

Но дело не только в терминологии. Для разночтения или акцентированного выделения той или иной стороны “мягкой силы” есть изначальные объективные основания. Дж. Най разрабатывал ее не с нуля, ему удалось привести к единому знаменателю комплекс различных идей, мыслей, внешнеполитических положений. При этом он высоко отзывается о трудах американских политологов, аналитиков, чьи концептуальные соображения он использовал в своей работе. Выражая благодарность своему другу Роберту О. Кеохейну, очистившему металлической щеткой хорошей критики шлак его первых черновых записей каждой главы, Най писал, что они оба были соавторами такого количества книг и статей, что он уже и не знает, кому больше принадлежат его мысли, “действительно мне или ему”¹⁵.

¹² См.: Русакова О. Ф. Концепт “мягкой” силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173.

¹³ См.: Чихарев И. “Умная мощь” в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2011. № 1. С. 93.

¹⁴ См.: Паришин П. Проблематика “мягкой силы” во внешней политике России // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. Вып. 36. 2013. Март. С. 12–13.

¹⁵ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 380–381.

То, что Най опирался на концептуальный опыт своих коллег, естественным образом наложило на обобщенное понимание “мягкой силы” российскими учеными и экспертами. Так, определенная часть философского сообщества, непосредственно связанная с профильным осмыслением “мягкой силы”, рассматривает ее в рамках дискурсов, конкурирующих между собой за форматирование общественного сознания и научного знания, за утверждение в когнитивной сфере в качестве главной, основополагающей, той или иной модели интерпретации. Сторонники осмысления “мягкой силы” с такого философско-методологического угла, констатируя наличие множества трактовки категории “концепт”, фиксируют неизбежную смысловую отстройку концепта от понятия и идеи. В практическом плане это означает естественное появление многих авторов-интерпретаторов, которые наделяют концепт новыми смыслами¹⁶. Что, собственно, и произошло с понятием “мягкая сила” в трактовке Дж. Ная.

Но интерпретационные “обогащения”, нюансы и оттенки в толковании “мягкой силы” при переносе их непосредственно в практическую плоскость внешней политики и международных отношений, где оценочные параметры играют первостепенную роль, нередко чреватыв выводами, не учитывающими в должной мере глубину и сложность современных мирополитических процессов, особенности сдержек и противовесов в мировой политике, наконец, гигантские геополитические сдвиги XXI века. Так, некоторые исследователи ошибочно полагают, что в эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий “мягкой” силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи только стран, “претендующих на статус мирового центра или полюса власти”¹⁷. Но это противоречит очень важному тезису самого Ная, который настаивает на том, что страны могут обладать политической привлекательностью, которая больше, чем их военный или экономический вес, так как их национальные интересы подразумевают наличие привлекательных целей, например таких, как экономическая помощь или участие в мирном процессе. В качестве примера он приводит Финляндию, которая в большей степени подпитывалась “мягкой силой”, и Норвегию, за последние десятилетия участвовавшую в проведении мирных переговоров на Филиппинах, на Балканах, в Колумбии, Гватемале и на Ближнем Востоке, а также Польшу, правительство которой решило послать войска в послевоенный Ирак не только для того, чтобы добиться благосклонности США, но и создать более позитивный образ Польши в мире¹⁸. И позднее, возвращаясь к этой теме, Най вновь подчеркивает: «Вполне вероятно, что некий изоциренный противник (такой, как малая страна, имеющая ресурсы для ведения кибервойны) решит, что может шантажировать большие государства. Существует также перспектива нанесения киберударов “независимыми” или “свободными гонщиками”, поддерживаемыми государством»¹⁹.

Более того, некоторые российские политологи вообще исходят из того, что «для небольших государств “мягкая сила” – это синоним эффективности соотношения ограниченных ресурсов влияния и дипломатического успеха, а также инновационности, экологичности и т. д.»²⁰. Взвешенно, с учетом множества значимых факторов подходит к этому вопросу М. М. Лебедева. Подобно тому, считает она, как “мягкая сила” представляет собой деятельность, направленную на то, чтобы сделать нечто привлекательным для другого (навязывание и обман противоречат самой идее “мягкой силы”), ресурс выступает лишь в качестве потенциала влияния. Поэтому наличие ресурсов еще не обеспечивает политического влияния. “Ресурсом

¹⁶ См.: Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурсы и концепты “мягкого” влияния в современном гуманитарном знании // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 3. С. 161–162.

¹⁷ См., например: Русакова О. Ф. Указ. соч. С. 183.

¹⁸ See: Nye J. S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004. P. 36–37.

¹⁹ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 202.

²⁰ Смирнов А. И., Кохтолина И. Н. Глобальная безопасность и “мягкая сила 2.0”: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем, 2012. С. 20.

надо еще умело воспользоваться, чтобы из потенциала влияния он превратился в ресурс влияния. Хотя само наличие ресурсов, безусловно, дает преимущества перед другими на мировой арене”²¹.

Экстраполяция другого взгляда на роль “мягкой силы” в сферу мировой политики приводит к выводу, с которым никак нельзя согласиться, – что среди инструментов влияния не стоит рассматривать “внешнюю политику западных стран, так как она заведомо (?! – М. Н.) будет восприниматься критически со стороны как всего (?! – М. Н.) мирового сообщества, так и ближайших соседей, и степень влияния которой также будет, скорее всего, равна нулю”²².

Упрекая отдельных авторов в попытках «искусственно “натянуть” различные известные самостоятельные концепции (власти, психологии влияния, коммуникации, социального взаимодействия, территориального маркетинга) на концепт “мягкой силы”, которые на самом деле никакого прямого отношения к нему не имеют»²³, эти исследователи сами сдвигаются к другой концептуально-методологической крайности, сводя “мягкую силу” всего лишь к “совокупности гуманитарных ресурсов страны”²⁴.

Это в корне неверная, далекая от первоисточника констатация. Дж. Най неоднократно предостерегал против зауженного представления о “мягкой силе” в мировой политике. Он подчеркивал, что существует множество основных ресурсов “мягкой силы”, к которым относятся культура, ценности, легитимная политика, позитивная внутренняя модель, успешная экономика и профессиональная военная сила. Более того, это и такие ресурсы, как службы национальной безопасности, информационные агентства, дипломатическая служба и многое другое²⁵. По Наю, “мягкая сила” включает, помимо культурно-гуманитарной составляющей, и политику, политические ценности и институты, и др. (см. его публикации). Культура, ценности и политика – не единственные источники “мягкой силы”, настаивает Най, отмечая, что экономические ресурсы тоже могут стать источником поведения как “мягкой”, так и “твердой” силы и подчас “в ситуациях реального мира трудно отличить, какая часть экономических отношений состоит из твердой силы, а какая – из мягкой”²⁶.

В отмеченном выше подходе видится и другая методологическая нестыковка. С одной стороны, утверждается, что “мягкая сила” потому и является “мягкой”, что ее не надо применять и использовать: “Если ее применять, то это уже будет пропаганда и агитация”²⁷. А с другой – при формулировании завершающего вывода подчеркивается: «Реализация (то есть осуществление, использование? – М. Н.) потенциала “мягкой силы” – это процесс трансляции гуманитарных ресурсов страны...»²⁸. Но, независимо от этого противоречия, здесь есть существенный момент. Коль скоро нельзя говорить об использовании (а, собственно, почему?) “мягкой силы”, то тем самым ей отводится роль пассивного инструментария. А где же ее активное начало, благодаря которому она получила столь широкое распространение в мире? И как это соотносится с ее опорой на гражданское общество, о котором так много сегодня говорится?

Концептуально-методологическим противовесом такому взгляду на “мягкую силу” можно считать подход, предлагающий рассматривать ее в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную

²¹ Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 103.

²² Леонова О. “Мягкая сила”: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. 2014. № 3. С. 27.

²³ Леонова О. Интерпретация понятия “мягкая сила” в науке // Обозреватель – Observer. 2015. № 2. С. 80.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 177.

²⁶ Там же. С. 154–155.

²⁷ Леонова О. Интерпретация понятия “мягкая сила” в науке. С. 86.

²⁸ Леонова О. Интерпретация понятия “мягкая сила” в науке. С. 88.

от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам²⁹.

Никто не ставит под сомнение необходимость использования культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, выражения его национальных интересов, создания благоприятного образа страны за рубежом. Но практические выводы, которые делают из этой очевидности отдельные авторы, несут на себе отчетливо выраженный отпечаток необоснованной парадоксальности;

когда они подчеркивают, что культура, будучи одним из инструментов внешней политики государства, “может оказывать дестабилизирующее воздействие как на состояние международной системы в целом, так и на характер межгосударственных отношений в частности”³⁰.

Некоторые авторы, укрупняя проблемный формат исследования концепта “мягкая сила”, выступают с критикой его редуцированной трактовки в целом. Так, С. Песцов и А. Бобыло в качестве альтернативы предлагают рассматривать “мягкую силу” как развернутую схему, охватывающую весь процесс ее реализации. Прежде всего, они выделяют в нем “источники” (или “ресурсы”) “мягкой силы”, к которым относятся национальное достояние, в значимой степени не зависящее от текущих действий государства (культура), а также поведение и действия государства внутри и за пределами национальных границ (политика и дипломатия). Трансформация ресурсов “мягкой силы” в активы осуществляется посредством “механизма конвертации”, который является следующим важным компонентом “мягкой силы”. Составные части этого механизма – “технические средства” (финансы, инфраструктура, каналы коммуникации) и “технологии”, то есть согласованные наборы операций и действий, предназначенные для решения конкретных задач и достижения соответствующих целей. И, наконец, отнюдь не последний по значимости элемент “мягкой силы” – “инструменты”, то есть все рычаги, с помощью которых обеспечивается конкретная привлекательность страны (ее “образ”, “имидж” и “присутствие”).

Такая исследовательская логика естественным образом ведет к переносу внимания с актора-субъекта на актор(ы) – цель(и), с усилий, направленных на вызов желаемой реакции, собственно к самой реакции и ответным действиям. В этой связи большое значение придается такому показателю, как “промежуточные эффекты”, результативность которых характеризуют “репутация” и “осведомленность”. Последняя специфицируется как результат усилий, связанных с обеспечением и расширением присутствия, как общий уровень известности страны-субъекта и отдельных ее характеристик, потенциально способных выступить в качестве источников “мягкой силы” для внешней (целевой) аудитории. “Осведомленность и репутация в качестве промежуточных эффектов, по сути, являются связующим звеном между государством-субъектом и целевым государством или государством-реципиентом”³¹. Но, поскольку ими не исчерпываются взаимодействия в реальной мировой политике, где существует множество перекрещивающихся контактов, то следующим звеном логической цепи выделяется “механизм селекции”, то есть совокупность рациональных и эмоциональных, сознательных и интуитивных процедур и инструментов отбора внешних воздействий. Завершает эту концептуальную схему “конечный результат”, под которым подразумевается собственно внешняя активность реципиента(-ов).

О концептуально-методологической неадекватности и противоречивости редуцированного подхода к “мягкой силе” можно судить по тому, как он используется в осмыслении состо-

²⁹ См.: Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования стратегии “мягкой силы” во внешней политике Российской Федерации // Геополитический журнал. 2013. № 1. С. 25.

³⁰ Сидорова Е. А. Культурный фактор в отношениях России и Европейского союза // Вестник международных организаций. 2014. № 3. С. 69.

³¹ Песцов С. К., Бобыло А. М. “Мягкая сила” в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 111–112.

яния и перспектив культурно-гуманитарного сотрудничества России и ЕС, и, соответственно, по формулируемым практико-политическим рекомендациям: для преодоления разногласий и укрепления двустороннего сотрудничества России и Европейскому союзу предлагается “попытаться сформировать общее идеологическое пространство, которое будет способствовать сближению двух культур и социумов, позволит снизить степень политизированности и неопределенности российско-европейских отношений и окажет стабилизирующий эффект на состояние международной системы в целом и на характер отношений России и ЕС в культурной и гуманитарной сферах в частности”³².

Сама жизнь опровергает такого рода утверждения. Красноречивые результаты референдума в Великобритании в июне 2016 г. по вопросу выхода из состава ЕС означают, среди прочих определяющих мотивов и причин, что страна отвергает общеевропейские ценности в их унифицированной трактовке высшим эшелоном евробюрократов. Таким образом, ценностный аспект Brexit, наряду с предшествующим крахом мультикультурализма, стал новой кризисной реальностью европейского интегрированного пространства. Причем еще за год до референдума в Великобритании, по образному выражению Н. Арбатовой, рассматривающей события на Украине как дезинтегратор европейского пространства, “европейское зеркало треснуло”³³.

Примечательно, что явно “романтизированное” представление об исходной возможности создавать общее идеологическое пространство опровергается самой авторской контраргументацией. Во-первых, между РФ и ЕС отмечается определенный ценностный разрыв, который “дестабилизирует двусторонние отношения в культурной сфере и, как следствие, негативно влияет на общий характер российско-европейского политического и экономического диалога”³⁴. Во-вторых, со стороны ЕС российско-европейский культурный диалог затрудняется тем, что «страны ЕС не всегда признают наличие универсальной европейской культуры и отстаивают главенство своей собственной национальной культуры внутри общеевропейского “культурного поля”». В-третьих, в России “также не существует общественного консенсуса по вопросу об основных социальных, политических и культурно-цивилизационных ценностях и ориентирах”. В-четвертых, сотрудничество в культурной сфере “нередко обременено конъюнктурными политическими кризисами, что привносит элемент нестабильности в партнерство РФ и ЕС в этой области”³⁵.

О каком общем идеологическом пространстве можно рассуждать, если ЕС даже не попытался объединить потенциал западной и восточной ветвей европейской цивилизации? Причин, по которым это не произошло, множество. Среди них – прежде всего те, которые имеют стратегические основания. Эксперты, глубоко исследовавшие эту проблематику, вычленили главное – ошибки Запада. Первой и очень значимой ошибкой европейской политики стало проведение границы, “фронтира” Европы по новым рубежам, сложившимся после краха СССР, – по сути, по границам Советского Союза конца 1939 г. Еще одна ошибка – это недооценка властными элитами Европы социальных, политических и социально-психологических последствий распада СССР, своего рода постимперских комплексов и проблем. Кроме того, искусственное разделение постсоветского пространства (и особенно его западных и южных “окраин”) на Россию и “прочие” страны во многом обусловило современные конфликты на европейско-российских границах. Далее, существенной ошибкой политики ЕС являются упорные попытки изобразить Россию как страну, которая не вписывается в обычные параметры сотрудничества, и, соответственно, использовать применительно к ней особые форматы взаимодействия. В Москве, наверно, были и не против подчеркивания особого статуса России, “но только

³² Сидорова Е. А. Указ. соч. С. 79.

³³ Арбатова Н. Новая региональная реальность // Независимая газета. 2015. 16 сент.

³⁴ Сидорова Е. А. Указ. соч. С. 69.

³⁵ Там же. С. 70.

не таким образом, который демонстрирует ее периферийный статус и указывает на невозможность выстраивания по-настоящему партнерских отношений”³⁶. С этим связана, наконец, четвертая критическая ошибка западноевропейской политики – недооценка стратегического потенциала европейско-российского сотрудничества: Россия не может быть безопасной для Европы иначе как будучи инкорпорированной в европейские институты и развиваясь с учетом, а не вопреки, их внутренней логики. Отсюда следует закономерный вывод: Европа, которая сегодня обладает одной из самых мощных “мягких сил” в мире, «практически полностью отказывается применить ее для “соблазнения” России»³⁷.

В текстах, даже серьезных, посвященных “мягкой силе”, нередко встречаются неточности, которые переходят из одной публикации в другую. Так, утверждается, что впервые только в июле 2012 г. на Совещании послов и постоянных представителей России за рубежом президент В. В. Путин обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе “мягкую силу”. Между тем уже в Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, утвержденных МИД России 18 декабря 2010 г., зафиксировано ее особое практико-политическое значение: “Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, – говорится в документе, – культурная дипломатия как никакой другой инструмент “мягкой силы” способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства”³⁸(курсив мой. – М. Н.). А еще раньше, в 2008 г., министр иностранных дел С. В. Лавров, говоря о важности “мягкой силы” для нашей страны, подчеркнул ее “способность воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности”³⁹.

Между тем на протяжении последнего десятилетия определения, которые сам Дж. Най давал “мягкой силе”, претерпели некоторые изменения. Среди них были и предельно краткие: “мягкая сила” – это привлекательная сила, “мягкая сила” – это способность формировать или переделывать предпочтения других, не прибегая к насилию и подкупу, а также “мягкая сила” – это способность заставить других хотеть того же, чего хотите вы. Но наиболее полным и содержательно емким определением “мягкой силы” он считает следующее: “способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов”⁴⁰.

Концептуализируя совокупность положений, образующих понятие “мягкая сила”, Най еще в предисловии к первой книге, посвященной ей, констатировал, что после 1990 г., когда она впервые стала достоянием общественности, не все понимали содержательную суть этого понятия, “неправильно его использовали и придавали ему тривиальный смысл, сводя его только к влиянию кока-колы, Голливуда, голубым джинсам и деньгам”⁴¹. Семь лет спустя, в новой книге, продолжающей его исследования, он вновь обращает внимание на такое положение дел и на этот раз подчеркивает, что “некоторые аналитики неправильно истолковали мягкую силу как синоним культуры и тем самым принизили ее важность”⁴². Комментируя другие неточные интерпретации “мягкой силы”, Най отмечал, что широкое использование понятия иногда приводило к толкованию концепции как синонима чего-то иного, кроме военной силы.

³⁶ Иноземцев В. Критика с позиций чистого разума // Новая газета. 2015. 28 окт.

³⁷ Там же.

³⁸ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [Электронный ресурс]: утв. МИД России 18 дек. 2010 г. // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru

³⁹ Российская газета. 2008. 30 окт.

⁴⁰ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 56.

⁴¹ Nye J.S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. P. 11.

⁴² Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 58.

Но главное, чем он объясняет многие ее концептуальные разночтения, это впервые, пожалуй, сформулированное им с такой ясностью и определенностью уточнение, что *“мягкая сила – это скорее образное обобщение, чем нормативно выраженная концепция”*⁴³ (курсив мой. – М. Н.).

Явная запоздалость столь важного, исходно необходимого концептуального посыла объясняется, скорее всего, желанием Ная этим “анестезирующим” разъяснением ответить сразу всем его критикам и оппонентам. Но тут неизбежно возникает коллизия: Най I против Ная II. Своим заявлением он закладывает мину замедленного методологического действия под прежние теоретические построения, как бы “давая добро” на любые, самые вольные их интерпретации. Но как оно согласуется с его же многократными, как это показано выше, оценочными предупреждениями о неправильном, зауженном понимании и даже искажении вполне четкого смысла, заложенного им в понятие “мягкой силы”? Сопоставляя, в частности, собственное представление о “мягкой силе”, включающее “произвольные параметры установки программы и установки предпочтений путем привлекательности и убедительности”, с концепцией так называемого третьего лица силы С. Льюкса, который называет ее “кузиной” мягкой силы, Най в примечаниях к своей книге приводит его критическое замечание в свой адрес. Суть этого замечания: “Как ставящий в центр объект воздействия Най, так и ставящий в центр субъект воздействия Фуко – оба не учитывают эту отличительную особенность... Нам же следует обращать внимание как на объект, так и на субъект и задаваться вопросом: каким образом удастся завоевать сердца и умы субъектов своего воздействия – путем применения силы в отношении них или содействуя укреплению возможностей последних”⁴⁴.

“Мягкую силу” Най определяет как способность получить желаемое через привлечение, а не через подавление. Такая сила возникает из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики: «Надо сделать так, чтобы другие восхищались вашими идеалами и захотели того, чего хотите вы, и тогда вам не нужно будет так много трагиться на “кнуты” и “пряники”, чтобы подвинуть их в нужном для вас направлении»⁴⁵. Соблазнение всегда было более эффективным, чем подавление, и многие ценности – демократии, прав человека и возможностей для отдельной личности, являются “глубоко соблазнительными”. В подтверждение своей мысли он ссылается на мнение профессионально информированного генерала Уэсли Кларка о том, что “мягкая сила” усилила влияние США в намного большей степени, чем преимущество “жесткой силы” в традиционной политике баланса сил. «Выиграть мир труднее, чем выиграть войну, и мягкая сила существенно важна для “завоевания” полноценного мира»⁴⁶, – подчеркивает Най. “Мягкая сила”, по его словам, это основа, становой хребет повседневной демократической политики. Способность устанавливать преференции имеет тенденцию ассоциироваться с такими нематериальными ресурсами, как привлекательность личности, культура, политические ценности и институты, и с политикой, которая воспринимается как легитимная или имеющая моральный авторитет⁴⁷. При этом он выступает против упрощений, уравнивающих воздействие и влияние: “влияние может базироваться и на жесткой силе, состоящей из угроз и подкупа. А мягкая сила – больше, чем убеждение или способность подвинуть людей сделать что-либо при помощи аргументов, хотя они являются ее важными элементами. Мягкая сила – это также способность привлекать, то есть в поведенческих понятиях мягкая сила – это привлекательная сила”⁴⁸. И оговаривает принципиально важ-

⁴³ Там же. С. 148.

⁴⁴ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 388.

⁴⁵ Nye J.S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. P. 10.

⁴⁶ Ibid. P. 12.

⁴⁷ See ibid. P. 6.

⁴⁸ Nye J.S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. P. 6.

ный момент: «“Мягкая сила” не должна быть игрой с нулевым результатом, в которой достижение одной страны обязательно означало бы потери для другой»⁴⁹.

Най отводит большую роль публичной дипломатии в мировой политике, объясняя это тем, что на выработку “мягкой силы” влияет множество негосударственных акторов внутри и за пределами государства, которые воздействуют как на широкие массы, так и на правящие элиты в других странах. Особенности классической и непрямой, публичной, дипломатии Най раскрывает на сопоставлении следующих формализованных моделей (рис. 1.1):

Обозначения: П — правительство; О — общество; МО — международная организация.

Рис. 1.1. Две модели дипломатии

Най выделяет три концентрических окружности/стадии публичной дипломатии. Первый и самый ближний круг – это повседневная деятельность, которая предполагает оперативное разъяснение текущей внутренней и внешней политики, незамедлительная реакция на любые события, стремление не допустить информационного вакуума, который могут заполнить материалами, наносящими вред государству. Эта стадия измеряется в часах, днях и неделях.

Вторая стадия / концентрическая окружность – это рассчитанная на стратегическую перспективу реализация простых, но весьма значимых проектов, сопоставимых с политическими или рекламными кампаниями, где используется самый широкий набор маркетинговых возможностей. В рамках публичной дипломатии продвигаются те или иные аспекты или направления политики государства, конкретные внешнеполитические инициативы. В качестве примера Най приводит реакцию Советского Союза на размещение в начале 80-х гг. в Европе американских ракет средней дальности, ссылаясь при этом на откровенную оценку этих событий бывшим государственным секретарем Джорджем Шульцем, который выразил сомнение в том, что США удалось бы совершить задуманное, если бы не весьма активная программа публичной дипломатии.

В третий, самый широкий круг публичной дипломатии Най включает развитие длительных взаимоотношений с влиятельными, “ключевыми” фигурами различных государств на протяжении многих лет и даже десятилетий с использованием стипендий, обменов, учебы, семинаров, конференций и доступа к медийным каналам. За это время около 700 тыс. человек приняли участие в американской программе культурных и научных обменов, которые, по его словам, помогли обучить таких руководителей мирового масштаба, как Анвар Садат, Гельмут Шмидт и Маргарет Тэтчер.

Весьма наглядными оказались результаты социологических исследований, согласно которым:

– 99 % иностранных выпускников программы “Фулбрайт” отметили, что они стали “лучше понимать Соединенные Штаты и американскую культуру”;

⁴⁹ Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. С. 162.

– 96 % выпускников указали, что они поделились своим американским опытом с соотечественниками через СМИ и культурные каналы после возвращения на Родину;

– 89 % опрошенных подтвердили, что их опыт, полученный в Штатах, позволил им занять лидирующие позиции в родной стране⁵⁰.

На публичную дипломатию США тратят огромные средства – 666 млн долларов только в 2014 г.⁵¹ Показательно и то, что в Госдепартаменте США введена специальная должность заместителя госсекретаря по “мягкой силе”, неотъемлемой частью которой является публичная дипломатия.

Повышенное внимание уделяет публичной дипломатии НАТО, рассматривая ее как один из эффективных компонентов “мягкой силы”. Уже полтора десятка лет активно действует специализированное Управление публичной дипломатии альянса. В его арсенале телеканал “НАТО-ТВ”, мощный централизованный информационный сайт, а также информационные сайты локальных информбюро и офисов НАТО в различных странах.

Всё более насыщенной и разнообразной становится публичная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве. Работа ведется с учетом особенностей целевых аудиторий: политических, экономических, художественных элит, бизнес-сообщества, творческой интеллигенции и особенно – молодежи. Цели – продвижение притягательного образа НАТО в бывших республиках СССР. Особенно активно альянс действовал в Прибалтике, а также на Украине, где задолго до Майдана были созданы Центр информации и документации НАТО, Офис связи НАТО – Украина, Институт евро-атлантического сотрудничества, Общественная лига “Украина – НАТО”.

⁵⁰ См.: Паюва Е. П. Высшее образование как потенциал мягкой власти государства // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 158.

⁵¹ Nye J. S. The Limits of Chinese Soft Power // Project Syndicate. 2015. July 10. [Electronic Resource]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s-nye-2015-07?barrier=true>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.